

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ¹

REFERENTIAL CHOICE IN RUSSIAN SIGN LANGUAGE

Кибрик А. А. (*kibrik@comtv.ru*), Институт языкознания РАН
Прозорова Е. В. (*zhenia-pr@yandex.ru*), Московский государственный университет

В докладе сопоставляется референциальная система русского жестового языка глухонемых (РЖЯ) и звучащих языков. Помимо референциальных механизмов дейксиса и анафоры, в РЖЯ важную роль играет явление квазидейксиса: говорящий создает в своей области жестикуляции аналоги воображаемых референтов, и их локусы в дальнейшем используются для квазидейктических упоминаний этих референтов.

1. Введение

В настоящем докладе мы рассматриваем явление референции с точки зрения говорящего. Иными словами, нас интересует то, каким образом говорящий осуществляет выбор из нескольких альтернативных способов упомянуть тот или иной референт. В соответствии с данным подходом, мы используем термин *референциальный выбор*, чтобы обозначить процесс принятия решений, постоянно происходящий в когнитивной системе говорящего в ходе порождения дискурса.

Языки различаются в отношении того, какие референциальные опции они предоставляют говорящему и какие факторы влияют на референциальный выбор. В докладе мы рассматриваем различия между двумя языками, представляющими два наиболее противопоставленных типа естественных человеческих языков: звучащие языки и жестовые языки глухих. До сих пор исследования по референции проводились по большей части на материале звучащих языков. С другой стороны, исследователи жестовых языков обычно описывают эти языки, используя специфичную терминологию и избегая прямых сопоставлений со звучащими языками. В нашей статье сопоставляются системы референции одного звучащего языка (русского) и одного жестового языка (русского жестового языка). Опираясь на то, что известно о референциальном выборе в звучащих языках, мы продемонстрируем некоторые особенности референциального выбора в жестовых языках. Раздел 2 представляет собой краткое введение в проблематику референциального выбора в русском языке и позволяет ознакомиться с нашим подходом к этому явлению. В последующих разделах мы рассмотрим референциальные механизмы русского жестового языка, в том числе дейксис, анафору и квазидейксис.

2. Референциальный выбор в русском языке

В русском языке, как и в других звучащих языках, имеется важное различие между дейктической и анафорической референцией. *Дейксис* – это указание на сущности, которые в момент разговора присутствуют в пространстве, непосредственно окружающем говорящего и адресата и перцептивно доступны для них. Назовём это пространство *перцептивным*, потому что информацию о нём, о наличии и расположении в нём референтов участники дискурса получают посредством органов восприятия.² На Рис. 2 (раздел 8) перцептивное пространство обозначено как П. Примером дейктической референции будет, например, если говорящий покажет адресату на кошку, которую оба видят, и скажет: «Забери её с собой». Как правило, лишь дейктической функцией обладают местоимения 1-го и 2-го лица, указывающие на собеседников – наиболее значимые в дискурсе элементы перцептивного пространства.

¹ Авторы выражают благодарность Центру образования глухих и жестового языка и его директору А. А. Комаровой, а также специальной общеобразовательной школе-интернату №101 и в особенности А. Л. Воскресенскому за помощь в сборе видеоматериала. Авторы также благодарят всех консультантов по РЖЯ, в особенности Т. Давиденко и Р. Парфенова. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 06-06-80470.

² Очевидно, что из участников дискурса каждый воспринимает данное пространство по-своему (уже хотя бы потому, что они находятся в разных точках данного пространства и видят его с разных перспектив). Однако при этом в процессе коммуникации участники дискурса пренебрегают данными различиями и считают, что представление о перцептивном пространстве у них совпадает.

В случае *анафорического* употребления референциальных выражений референты недоступны для непосредственного восприятия, но коммуниканты представляют их себе мысленно. Совокупность общих для коммуникантов мысленных представлений мы условно называем *когнитивным* пространством. На Рис. 2 оно обозначено как пространство К. В каждый данный момент дискурса говорящий и адресат имеют общее знание о том, какие референты активированы в пространстве К. Употребление анафорических выражений зависит от уровня активации референта. Если в данный момент активация ниже определённого порога, используются лексически полные выражения, а если её значение выше этого порога – используются редуцированные референциальные средства.

Основные анафорические средства русского языка включают:

- полные именные группы (полные ИГ)
- редуцированные референциальные средства, в том числе:
 - местоимения 3-го лица
 - указательные местоимения
 - нулевые ИГ.

В русском языке нулевые анафоры имеют ограниченное употребление. В других языках, например, в китайском, в качестве редуцированного референциального средства используются по преимуществу нулевые формы. Субстантивные указательные местоимения также не являются в русском языке частотным средством.

Как было показано в работе Kibrik (2000), референциальный выбор между двумя основными референциальными средствами – полными именными группами и местоимениями 3-го лица – в русском языке определяется множеством факторов, включающих расстояние до антецедента, временные свойства референта (такие как синтаксическая функция антецедента) и постоянные свойства референта (одушевлённость). Из совокупности всех факторов складывается текущий когнитивный статус референта, так называемый коэффициент активации, которым, в свою очередь, определяется референциальный выбор.

3. Русский жестовый язык

Русский жестовый язык (РЖЯ) – это язык, которым пользуются глухие люди в России и ряде других стран бывшего Советского Союза. Это полноценный естественный язык, не уступающий по своим коммуникативным функциям звучащим языкам, имеющий схожие базовые принципы организации и грамматические процессы. С лингвистической точки зрения РЖЯ остаётся практически неизученным. Пионером исследований РЖЯ была Г.Л. Зайцева, результаты её работы обобщены в книге (Зайцева, 2000). Существует краткий очерк грамматики РЖЯ (Grenoble, 1992). Недавние исследования РЖЯ включают работы по глагольной морфологии (Прозорова, 2004) и референции (Прозорова, 2006). Из словарей РЖЯ до сих пор не утратила своего значения работа (Гейльман, 1975-1979). Следует также упомянуть тематический словарь (Фрадкина, 2001). В 2006 г. был создан мультимедийный «Словарь лексики русского жестового языка» (А. А. Комарова, уст. сообщение).

РЖЯ – это зрительно-жестикуляторный язык, в котором информация кодируется при помощи движений рук, изменений выражения лица, направления взгляда, положения головы и тела. Визуально-пространственный план выражения данного языка определяет его специфические свойства. Жестовый дискурс разворачивается в трёхмерной области перед говорящим³, которая далее будет называться *область жестикуляции*. Как будет показано ниже, область жестикуляции и её топология играют значительную роль в референциальной системе РЖЯ.

Данная работа основана на корпусе нарративов на РЖЯ (объемом в 657 клауз), представляющих собой 10 пересказов фильма «Рассказы о грушах» (Chafe, 1980). В нашей работе мы также опирались на данные о других жестовых языках, главным образом американском жестовом языке (см. Klima & Bellugi, 1979; Valli & Lucas, 1995).

Основные референциальные средства, представленные в нашем корпусе, таковы:

- полные ИГ (с субстантивным жестом в качестве вершины);
- субстантивные указательные жесты (вытянутый указательный палец направляется в сторону референта), обычно называемые личными местоимениями (см. Meier, 1991);
- нулевые выражения.

В этом исследовании мы рассматривали только упоминания одушевленных референтов. В фильме было 7 одушевленных референтов: 6 отдельных персонажей и группа из трех мальчиков, представлявшая собой множественный референт. В целом герои фильма были упомянуты 542 раза, в том числе с помощью 114 полных именных групп, 27 субстантивных указательных жестов и 401 нулевого выражения.

³ Здесь и далее термин *говорящий* будет использоваться для обозначения участника коммуникативного акта, создающего сообщение, вне зависимости от того, говорит ли он на звучащем или жестовом языке.

4. Дейктическая референция в РЖЯ

В РЖЯ, как и в русском языке, дейктическая референция возможна, только когда референты присутствуют в перцептивном пространстве и видимы как для говорящего, так и для адресата. Чтобы произвести дейктическое упоминание референта, говорящий выполняет указательный жест (показывает пальцем) в направлении референта:

- (1) ДЕМ^{→Пр} РАСКАЗАТЬ ЧТО⁴
Что он рассказал?

Пример (1) представляет собой вопрос говорящего о человеке справа от него, который только что рассказал что-то, что говорящий просит адресата повторить. Чтобы упомянуть этого человека, говорящий показывает указательным пальцем вправо, в его направлении.

Указательные жесты РЖЯ, которые переводятся на русский язык личными местоимениями, например *он*, как в (1), функционально скорее напоминают не личные, а указательные местоимения звучащих языков (демонстративы). В звучащих языках демонстративы нередко выступают в функции местоимений 3-го лица. Например, это характерно для большинства тюркских языков. Согласно исследованию (Bhat, 2005) около половины всех звучащих языков демонстрируют формальное сходство между демонстративами и местоимениями 3-го лица. Однако уникальным свойством РЖЯ (и, по-видимому, других жестовых языков) является то, что в них отсутствуют специальные местоимения 1-го и 2-го лица, и эта функция также закреплена за демонстративами. Одни и те же по форме указательные жесты используются, когда говорящий делает отсылку к себе, адресату или третьему лицу, и лишь направление жеста позволяет понять, о ком идёт речь. Например, отсылка к первому лицу происходит, когда говорящий показывает указательным пальцем в свою сторону. (Следует отметить, что в диалогической речи возможно также употребление нулевых дейктических элементов, особенно при референции 1-го лица).

Демонстративы в РЖЯ имеют не только субстантивное употребление, но и адъективное (в составе полной ИГ), а также адвербиальное.

С демонстративами связано еще одно интересное различие между звучащими и жестовыми языками. В звучащих языках демонстративы часто различаются по степени удалённости референта (чаще всего от говорящего). Некоторые системы включают местоимения, указывающие, что референт расположен выше или ниже говорящего; что референт видим или невидим и т.д. Однако даже самые сложные системы содержат ограниченное число типов демонстративов, категориально противопоставленных друг другу. В работе (Diessel, 2005) представлена выборка из 234 языков, в 7 из которых противопоставления нет, в 127 имеется два типа демонстративов, в 88 – три, и в 12 – четыре или более. Что касается РЖЯ, то в нем число различных указательных жестов не ограничено – их можно выполнять в любом направлении. Системы звучащих языков имеют, так сказать, цифровую, дискретную организацию, в то время как демонстративы жестовых языков имеют аналоговую, континуальную природу: локусы, в направлении которых выполняются жесты, изоморфны локусам, в которых располагаются референты в перцептивном пространстве.

Так как анализируемый нами корпус состоит из нарративов, дейктические выражения в нём практически отсутствуют, и для подробного описания дейктической референции в РЖЯ необходимы дальнейшие исследования.

Для упоминания референтов, не присутствующих в перцептивном пространстве, в РЖЯ используется анафорическая и квазидейктическая референция. Чтобы объяснить понятие квазидейктической референции, необходимо сначала ввести ещё одно дискурсивное пространство (в дополнение к тем, что рассматривались в разделе 2), которое имеет основополагающее значение для жестовых языков.

⁴ В транскрипции мануальные жесты передаются русскими словами, написанными заглавными буквами. Для записи одного жеста может использоваться несколько слов через дефис в том случае, если значение жеста невозможно передать одним русским словом. Надстрочным шрифтом после стрелки указывается направление, в котором выполняется жест. Используются следующие обозначения: Пр – вправо; Л – влево; Вв – вверх; Вн – вниз; П – вперед; ППр – вперед вправо; ПЛ – вперед влево; 1 – к говорящему; Н – навстречу друг другу. Указательные жесты обозначаются как ДЕМ.

5. Понятие конструктивного пространства

В работах по жестовым языкам, как правило, подчеркивается следующее характерное для этих языков явление: при введении в дискурс нового референта говорящий может «закрепить» за ним определённый локус в области жестикуляции, и далее для упоминания референта ему достаточно будет выполнить жест в направлении этого локуса (см. Klima & Bellugi, 1979; Liddell, 1990; Winston, 1991; Engberg-Pedersen, 1993). Различные способы установления локуса перечислены в работе (Winston, 1991).

В нашем корпусе для установления локуса наиболее часто: 1) употребляется полная ИГ с адъективным демонстративом (т.е. непосредственно перед или после выполнения субстантивного жеста, называющего референт, говорящий указывает пальцем в определённом направлении); 2) употребляется пространственный глагол (т.е. перед или после выполнения субстантивного жеста, называющего референт, говорящий выполняет предикативный жест, в котором положение и траектория движения руки отображают положение и траекторию движения референта, как в примере (3) ниже; 3) одновременно применяются оба способа, как в примере (2). Локус для референта выбирается не произвольно, а в соответствии с тем, как говорящий концептуализирует референты, их расположение и ориентацию в пространстве, физические взаимодействия и даже абстрактные отношения между ними. То есть, по мере развёртывания дискурса на область жестикуляции проецируется внутреннее когнитивное пространство говорящего. Схожие идеи были впервые высказаны, а затем разработаны С. Лидделлом (Liddell 1995, 2003).

Для обозначения проекции внутреннего когнитивного пространства на внешнюю область жестикуляции мы будем использовать термин *конструктивное* (или *конструируемое*) пространство. На Рис. 2 оно обозначено как K' . Стрелкой показано, что когнитивное пространство K проецируется в конструктивное пространство K' .

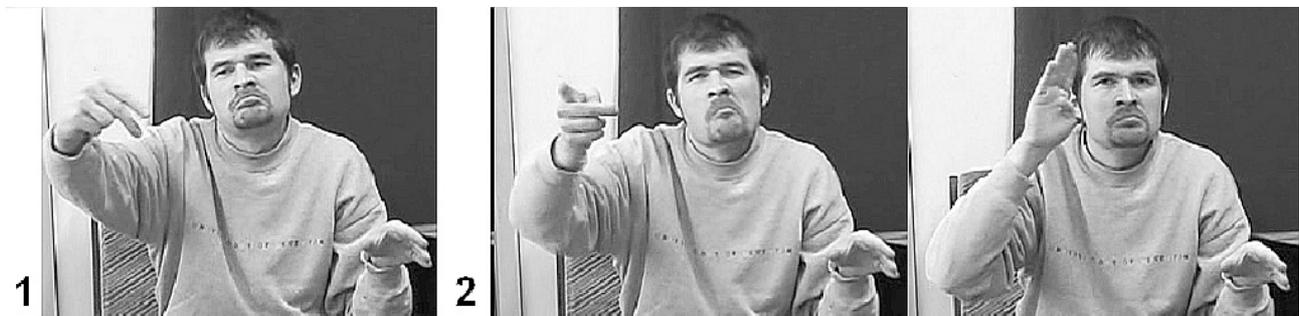
В нашем корпусе говорящие использовали трёхмерное конструктивное пространство для воспроизведения расстановки референтов в аналоговой манере, то есть в изоморфном соответствии тому, как они запомнили их расположение в фильме. Например, в фильме один персонаж (молодой мужчина с козой) появляется в глубине экрана и начинает приближаться к зрителю (см. Рис. 1):

Рис. 1. Эпизод из фильма «Рассказы о грушах»

В примере (2) при пересказе данного эпизода говорящий, вводя референта в дискурс, закрепляет за ним локус вдалеке перед собой, а затем показывает, что референт приближается:

(2)

ЧЕЛОВЕК-ИДТИ⁻¹

1. Издалека сюда идёт какой-то человек.

2. Это мальчик.

ДЕМ⁻¹Шр

МАЛЬЧИК

154В (2.1) для передачи местонахождения и передвижения референта употребляется особая жестовая конструкция, в которой траектория движения руки соответствует траектории движения референта, а форма руки отображает некоторые значимые свойства референта: его форму (двуногий), одушевленность («ноги» двигаются). Подобные формы руки называются классификаторами. Лидделл (Liddell 1990) показал, что классификаторы являются видимыми воплощениями (substitutes) референтов, помещёнными в область жестикуляции (последнюю он сравнил со сценой, на которой располагаются актеры). Таким образом, связь между классификатором и референтом, которого замещает данный классификатор, является по своей природе не столько референциальной, сколько метафорической. Классификаторы жестовых языков позволяют говорящему особенно наглядно представить размещение референта в конструктивном пространстве.

Устный нарратив строится на представлениях референтов в когнитивном пространстве коммуникантов, и в нём возможна главным образом анафорическая референция. В РЖЯ коммуникантам доступны как когнитивное, так и конструктивное пространства, и, соответственно, задействуются два разных типа референции: анафорическая и квазидейктическая.

6. Анафорическая и квазидейктическая референция в РЖЯ

В РЖЯ референты вводятся в дискурс полными ИГ, которые могут также включать адъективный демонстратив. (Единственный альтернативный способ введения референтов при помощи классификаторов обсуждался выше). В нашем корпусе около половины полных ИГ (55) были использованы в этой функции.

Для последующего упоминания референта говорящий на РЖЯ выбирает из трёх альтернатив: он может использовать полную ИГ, нулевую ИГ или субстантивный демонстратив. Среди полных ИГ следует различать два подкласса: 1) полные ИГ, включающие адъективный демонстратив; 2) полные ИГ без демонстратива.

В анафорической функции употребляются: 1) полные ИГ без демонстратива и 2) нулевые ИГ. Примеры анафорической референции представлены в разделе 7.

Для квазидейктической референции в РЖЯ используются субстантивные демонстративы. Формально, это то же средство, что используется при дейктической референции. Отличие состоит в том, что при квазидейктической референции референты отсутствуют в перцептивном пространстве. Однако коммуниканты мысленно представляют, что референты занимают определённые локусы в конструктивном пространстве, и воображаемое расположение референтов определяет направление квазидейктических жестов.

(3)

ЧЕЛОВЕК-ИДТИ^{→1}

МУЖЧИНА

ДЕМ^{→П}

ТЯНУТЬ

1. Кто-то приближается спереди.

2. Мужчина;

...

6. Он_i тянет Ø_k [= козу].

В (3.1) рассказчица устанавливает перед собой локус мужчины, впервые появившегося в конструктивном пространстве, при помощи пространственного глагола ЧЕЛОВЕК-ИДТИ^{→1}. Затем она упоминает о козе, а после, в клаузе (3.6), выполняет указательный жест в направлении локуса, установленного в (3.1), и тем самым снова производит референциальную отсылку к мужчине. Если бы рассказчица описывала действия мужчины, непосредственно присутствующего перед ней в момент рассказа и перемещающегося по той же траектории, она бы использовала те же самые жесты, но только их функция была бы собственно дейктической.

Следует заметить, что в течение времени локус референта может меняться в соответствии с тем, как в памяти рассказчика отобразились перемещения референта в той ситуации, которую он наблюдал и теперь описывает. В (4.1) новый референт, девочка, вводится в дискурс полной ИГ с адъективным демонстративом ДЕВОЧКА ДЕМ^{→ПЛ}:

(4)

ДВОЕ-ДВИГАТЬСЯ→Н

МАЛЬЧИК

ДЕМ→Л

СМОТРЕТЬ→Л

1. Впереди там девочка_i того же возраста.

2. ∅_i едет на велосипеде.

3. Они двое движутся навстречу друг другу.

...

4. Мальчик смотрит на неё_i.

Чтобы зафиксировать локус девочки, рассказчица в (4.1) выполняет указательный жест в некотором направлении перед собой. Через несколько клауз, в (4.7), для упоминания девочки используется указательный жест, который теперь направлен влево от рассказчицы (ДЕМ→Л). Адресат без труда идентифицирует демонстратив в (4.7) с девочкой, потому что рассказчица обозначила траекторию, по которой движется девочка, показав в (4.3), что девочка приближается к мальчику. Поэтому адресата не должно удивить, что в (4.7) девочка оказывается слева от мальчика (с точки зрения которого рассказчица описывает данный эпизод).

Вопрос о том, являются ли полные ИГ с адъективным демонстративом, употребляющиеся для повторных упоминаний, анафорическим или квазидейктическим средством референции, требует дополнительного исследования.

7. Референциальный выбор в РЖЯ

Как и в русском языке, референциальный выбор в РЖЯ зависит от активации референта. Два основных фактора, влияющих на общий коэффициент активации одушевленных референтов – это: 1) референциальное расстояние (RD) до антецедента; 2) при RD=1 синтаксическая роль антецедента (является ли референт субъектом или объектом в предшествующей клаузе). Результаты представлены в Таблице 1. Цифры в каждой ячейке показывают, сколько референциальных средств данного типа было употреблено при соответствующем значении факторов.

Как видно по Таблице 1, употребление нулевых ИГ тесным образом связано с самым высоким уровнем активации (RD=1; антецедент = субъект). При RD=2 нулевые ИГ все ещё остаются предпочтительным средством референции. При RD=3+ говорящий скорее использует иное референциальное средство, то есть, полную ИГ. Тем не менее, в РЖЯ возможно употребление нулевых выражений даже на значительном расстоянии от предшествующего упоминания референта. В подобных случаях идентифицировать референта нулевой ИГ помогают различные семантические и прагматические «ключи», такие как: 1) предикаты, которые постоянно употребляются при упоминании определённого референта и начинают ассоциироваться с ним (один из типичных примеров в нашем корпусе – употребление предикатов ЕХАТЬ-НА-ВЕЛОСИПЕДЕ и ДЕРЖАТЬ-ВЕЛОСИПЕД, которые ассоциировались с главным героем фильма, мальчиком на велосипеде, укравшим груши); 2) семантическая (не)совместимость контекста клаузы со свойствами отдельных референтов. Подобные нетипичные случаи упо-

требления нулевой анафоры характерны и для такого избыливающего нулевыми анафорами языка, как китайский (Тао, 1996).

фактор 1	RD=1		RD=2	RD=3+	ВСЕГО
	фактор 2 антецедент = субъект	антецедент = объект			
полные ИГ без ДЕМ	2 (<1 %)	6 (25 %)	6 (14 %)	28 (38 %)	42
полные ИГ с ДЕМ	1 (<1 %)	2 (8 %)	0	14 (19 %)	17
субстантивные ДЕМ	1 (<1 %)	6 (25 %)	8 (19 %)	12 (16 %)	27
нулевые ИГ	342 (99 %)	10 (42 %)	29 (67 %)	20 (27 %)	401
ВСЕГО	346 (100%)	24 (100%)	43 (100%)	74 (100%)	487

Таблица 1. Факторы активации и частота употребления анафорических и квазидейктических референциальных средств в корпусе

Однако основным средством различения двух одновременно активированных референтов является так называемый *ролевой сдвиг* (role-shifting по Padden, 1986) – явление, характерное исключительно для жестовых языков. Это процесс, при котором говорящий слегка сдвигается (поворачивается) в сторону и/или изменяет выражение лица, чтобы показать, что сейчас он представляет собой (или «играет роль») определённого референта:

(5)

СМОТРЕТЬ^{→Вв}

ДЕМ^{→Вв}

СОБИРАТЬ

СМОТРЕТЬ^{→Вв}

1. \emptyset_i смотрит вверх.

2. Тот_k собирает груши.

3. \emptyset_i смотрит вниз.

В (5.1) и (5.3) рассказчица изображает референта *i* (мальчика, который хочет тайком взять груши) и, соответственно, делает хитрое лицо. В (5.2), напротив, она изображает референта *k* (мужчину), который, не замечая мальчика, продолжает собирать груши. Выражение её лица меняется на рассеянное. Далее, в (5.3), вопреки расстоянию (RD=2) и потенциальной неоднозначности, употребляется нулевая анафора. Но адресату понятно, что нулевое выражение относится именно к мальчику, а не к мужчине, упомянутому непосредственно в предыдущей клаузе, потому что об этом свидетельствует хитрое выражение лица рассказчицы и её поза (легкий разворот в том направлении, где должен находиться мужчина, на которого смотрит мальчик). В целом, нулевые анафоры являются самым частотным средством референции в РЖЯ. В нашем корпусе они составляют более 70% всех референциальных выражений. В этом отношении РЖЯ стоит ближе к китайскому, чем к русскому языку.

Как показывают данные Таблицы 1, факторы активации не оказывают значительного влияния на субстантивные демонстративы. Хотя при самом высоком значении активации указательные жесты не употребляются (видимо, из-за сильной конкуренции нулевой анафоры в данном контексте), при прочих значениях факторов активации указательные жесты распределены довольно равномерно. Это подтверждает наше предположение о том, что они не являются анафорическими средствами и функционально ближе к дейксису. Напротив, анафорические средства (полные ИГ без демонстратива и нулевые ИГ) явно подвержены влиянию факторов активации: их частота встречаемости значительно меняется в зависимости от уровня активации (см. соответствующие строки Таблицы 1).

При RD=1, полные ИГ и субстантивные демонстративы употребляются лишь в том случае, когда их антецедент являлся объектом в предыдущей клаузе. Таким образом маркируется смена субъекта:

(6)

1. Человек_i подходит.

2. ∅_i отдает это ему_k.

3. Тот мальчик_k держит велосипед,

4. ∅_k благодарит.

В (6) референт *i* является субъектом клауз (6.1) и (6.2). Также в (6.2) при помощи указательного жеста упоминается референт *k*, который выполняет синтаксическую функцию объекта. Далее, в (6.3) и (6.4) референт *k* становится субъектом. Полная ИГ МАЛЬЧИК ДЕМ → в (6.3) указывает на референта *k* и маркирует смену субъекта.

Имеется ещё один фактор, который влияет на референциальный выбор в РЖЯ, но не представлен в Таблице 1: синтаксическая роль референта в его собственной клаузе. По нашим данным, если одушевленный референт играет в своей клаузе роль объекта, то, чтобы упомянуть его эксплицитно, рассказчики использовали только субстантивные демонстративы (см. (6.2)). Так было употреблено около 40% субстантивных демонстративов в нашем корпусе.

Поскольку и полные ИГ, и субстантивные демонстративы могут маркировать смену субъекта, возникает вопрос: чем руководствуется говорящий при выборе между ними. На основании имеющегося материала, мы полагаем, что говорящий скорее употребит указательный жест, если сочтет, что адресат помнит, какой референт ассоциируется с данным локусом (т.е. с направлением указательного жеста). В противном случае будет использована полная ИГ:

(7)

- ДЕМ^{→л} ЕХАТЬ-НА-ВЕЛОСИПЕДЕ ДЕМ^{→л}
1. \emptyset_i уехал.
 2. Тот мужчина_k собирать груши.
 3. Он_i едет на велосипеде дальше.

Пример (7) представляет собой часть нарратива, где речь идёт в основном о референте *i* (мальчике). В (7.2) рассказчица упоминает о мужчине, собирающем груши, используя полную ИГ ДЕМ^{→вв} МУЖЧИНА ‘тот мужчина наверху’. Появление полной ИГ в данном контексте предсказуемо, так как в последний раз мужчина был упомянут 11 клауз назад и к настоящему моменту статус активации этого референта значительно снизился. Напротив, референциальная отсылка к мальчику в (7.3) выполняется при помощи демонстратива ДЕМ^{→л}. Здесь тоже произошло снижение активации (RD=2), но далеко не столь значительное, как в случае с мужчиной. А так как в (7.1) рассказчица при помощи глагола УЕХАТЬ указала локус мальчика, предполагается, что в (7.3) информация о том, какой референт занимает данный локус, всё ещё доступна адресату.

8. Заключение

При рассмотрении референции в русском языке, который в данной работе представляет собой тип звучащих языков, полезно различать два пространства (см. Рис. 2). Одно из них, перцептивное пространство, непосредственно окружает собеседников. Референция к элементам перцептивного пространства называется дейксисом. Второе, когнитивное, пространство, содержит мысленные представления референтов, которые в настоящий момент не присутствуют непосредственно перед участниками дискурса. Референциальные отсылки к сущностям, активированным в данном пространстве, называют анафорой. Таким образом, в процессе референции звучащие языки задействуют два – внешнее и внутреннее – пространства.

Оба вышеуказанных пространства не менее важны для референции в РЖЯ. Мы рассмотрели примеры дейктической и анафорической референции в РЖЯ, сходные с подобными явлениями в звучащих языках. В особенности очень сходно со звучащими языками употребляются в РЖЯ анафорические полные и нулевые ИГ.

Тем не менее, понимание процесса референции в РЖЯ будет неполным, если не ввести ещё одно внешнее пространство, которое играет принципиальную роль в организации дискурса РЖЯ. Это конструктивное пространство, представляющее собой проекцию когнитивного пространства, с отображением референтов и их взаимного расположения, на область жестикуляции. По аналогии с когнитивным пространством, конструктивное пространство населено референтами, которых собеседники воображают, но которые не присутствуют непосредственно в момент коммуникации, см. Рис. 2.

Рис. 2. Пространства жестового дискурса

Топология конструктивного пространства изоморфна топологии когнитивного пространства. Для указания на сущности, представленные в конструктивном пространстве, говорящие на РЖЯ применяют механизм, схожий с дейктическим. Мы назвали это явление квазидейксисом, потому что здесь, как и при дейксисе, референты идентифицируются по локусу в конструктивном пространстве, хотя и не присутствуют физически.

Предпосылкой для использования в жестовом дискурсе этого дополнительного пространства является иная физическая природа кода жестовых языков, по сравнению со звучащими языками. Жестовый дискурс основан на визуальном восприятии кинетического сигнала адресатом, и это позволяет говорящему создавать «аналоговую», изоморфную модель сохранённых в памяти ситуаций. Звуковой план выражения такой изоморфизм обеспечить не может. Звучащие языки в этом отношении более «цифровые» по своей природе, и собеседники при идентификации референтов могут опираться лишь на общее когнитивное представление о референтах.

Изучение жестовых языков позволяет по-новому взглянуть на звучащие языки. В частности, можно заметить, что в устном дискурсе также присутствуют следы «аналогового» воссоздания пространства – а именно, спонтанные жесты, при помощи которых говорящий неосознанно указывает расположение референтов в пространстве перед собой, и делает это в соответствии с тем, как референты располагались в той ситуации, которую он описывает по памяти.

Список литературы

1. Гейльман, И. Ф. (1975-1979). Специфические средства общения глухих. Дактилология и мимика: в 4 ч. Л.: ВОГ.
2. Зайцева Г.Л. (2000). Жестовая речь. Дактилология: Учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС.
3. Прозорова Е.В. (2004) Морфологическая сложность глаголов в русском жестовом языке. Курсовая работа. МГУ им. Ломоносова.
4. Прозорова Е.В. (2006) Референциальные характеристики именных групп в русском жестовом языке. Дипломная работа. МГУ им. Ломоносова.
5. Фрадкина, Р. Н. (2001). Говорящие руки: Тематический словарь жестового языка глухих России. М.: Сопричастность.
6. Bhat, D.N.S. (2005). Third-person pronouns and demonstratives. In: M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, and B. Comrie (Eds.) World atlas of language structures. Oxford: OUP, pp. 178-181.
7. Chafe, W. (Ed.) (1980). The pear stories. Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. Norwood, NJ: Ablex.

8. Diessel, H. (2005). Distance contrasts in demonstratives. In: M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, and B. Comrie (Eds.) *World atlas of language structures*. Oxford: OUP, pp. 170-173.
9. Engberg-Pedersen, E. (2003). From Pointing to Reference and Predication: Pointing Signs, Eyegaze, and Head and Body Orientation in Danish Sign Language. In: S. Kita (Ed.) *Pointing: Where Language, Culture, and Cognition Meet*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, pp. 269-92.
10. Grenoble, L. (1992). An overview of Russian Sign Language. In: *Sign Language Studies*, vol. 77. Maryland: Linstok Press, pp. 321-338.
11. Kibrik, A.A. (2000). A cognitive calculative approach towards discourse anaphora. In: *DAARC 2000: Proceedings of the 3d Discourse anaphora and reference resolution conference*. Lancaster University: UCCCRL, Technical Papers 12, 2000, pp. 72-82.
12. Kibrik, A.A. (2004). Zero anaphora vs. zero person marking in Slavic: a chicken/egg dilemma? In: *DAARC 2004: 5th discourse anaphora and anaphor resolution colloquium. Proceedings*. Lisbon: Edições Colibri, 2004, pp. 87-90.
13. Klima, E., Bellugi, U. (1979). *The Signs of Language*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
14. Liddell, S. (1990). Four Functions of a Locus: Reexamining the Structure of Space in ASL. In: C. Lucas (Ed.) *Sign Language Research. Theoretical Issues*. Washington D.C.: Gallaudet University Press, pp. 176-198.
15. Liddell, S. (1995). Real, surrogate, and token space: Grammatical consequences in ASL. In: K. Emmorey & J. S. Reilly (Eds.) *Language, gesture, and space*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, pp. 19-41.
16. Liddell, S. (2003). *Grammar, gesture and meaning in American Sign Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Meier, R. (1990). Person deixis in ASL. In: S. Fischer & P. Siple (Eds.) *Theoretical issues in sign language research.*, Vol. 1: Linguistics. Chicago: University of Chicago Press, pp. 175-190.
18. Padden, C. (1986). Verbs and role-shifting in American Sign Language. In: C. Padden (Ed.) *Proceedings of the Fourth National Symposium on Sign Language Research and Teaching*. Silver Spring, MD: National Association of the Deaf, pp. 44-57.
19. Tao, L. (1996). Topic discontinuity and zero anaphora in Chinese discourse: Cognitive strategies in discourse processing. In: B. Fox (ed.) *1996. Studies in anaphora*. Amsterdam: Benjamins. pp. 487-514.
20. Valli, C., Lucas, C. (1995). *Linguistics of American Sign Language: an introduction*. Washington D.C.: Gallaudet University Press.
21. Winston, E. (1991). Spatial Referencing & Cohesion in an American Sign Language Text. In: *Sign Language Studies*, vol. 73. Maryland: Linstok Press, pp. 379-409.